

Григорий Ревзин

Очень важный маршрут

Малые музеи Москвы

Коммерсантъ

Григорий Ревзин

**Очень важный маршрут.
«Коммерсантъ»**

«Издательские решения»

Ревзин Г.

Очень важный маршрут. «Коммерсантъ» / Г. Ревзин —
«Издательские решения»,

«Очень важный маршрут» — книга, в первую очередь, о времени. Том времени, которое попытались сохранить заинтересованные люди с помощью атрибутов эпохи. Времени, которое в одном музее — застыло, а в другом неумолимо бежит вперед. Времени, которое экономит читатель, поскольку красочные описания и всесторонний анализ создают впечатление настоящей экскурсии по малым музеям Москвы, гидом по которым становится профессионал своего дела — искусствовед, архитектурный критик и журналист Григорий Ревзин.

© Ревзин Г.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Москва гуманистическая	9
Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей	9
Музей Российского Красного Креста	12
Музей Бутырской тюрьмы	15
Музей «Дом на набережной»	18
Сахаровский центр	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Очень важный маршрут. «Коммерсантъ»

Малые музеи Москвы

Григорий Ревзин

© Григорий Ревзин, 2016

© Мария Крашенинникова, иллюстрации, 2016

Редактор Александра Козлова

Редактор Мария Крашенинникова

Редактор Игорь Кулаков

Редактор Александра Митрошина

Редактор Анна Полибенцева

Редактор Надежда Прохорова

Корректор Надежда Прохорова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Записки о музеях СССР

Эта книга писалась в 2009—2010 гг. как серия очерков в журнале Weekend, еженедельному приложению к газете «Коммерсантъ». Придумал я это как развлечение по случаю кризиса 2008—2010 годов, когда количество выставок в Москве резко сократилось из-за отсутствия спонсорских средств. Ок, подумал я, выставок больше не будет, но у нас в городе есть около сотни постоянно действующих интереснейших экспозиций, о которых никто ничего не знает. Давайте-ка я про них расскажу.

Почти сразу возникла и идея книги – если собрать все рассказы вместе, то получится путеводитель по малым московским музеям. Этот замысел не удался. Я недооценил одного тонкого различия между выставкой и экспозицией малого музея. Рецензия на выставку – не то, что рассказ о музее, пусть даже таком маленьком, как музей игровых автоматов или радиотехники. Выставка – это высказывание, живой голос человека, который ее придумал. Музейная экспозиция – это урок в школе.

Представьте себе школьного учителя, который из года в год в сентябре рассказывает про осенние явления в жизни растений. Завидная судьба, и тут вдруг является критик, и начинает нести пургу. Дескать, урок зануден, цитировать «уж реже солнышко блистало» на фоне пыльного графика сокращения длительности светового дня – невыносимая пошлость, и вообще уместнее было бы вспомнить «Осенью» Баратынского, а не опять вот это «приближалась довольно скучная пора». Естественно, учитель придет в ярость, и даже в чем-то будет прав. Выставка – это высказывание о предмете, предполагающее возможность и иного высказывания. Музей – это слова, которые, как неожиданно выразился Дмитрий Медведев, в момент написания этих очерков – президент РФ, «отливаются в гранит». Неважно о чем слова – можно о калькуляторах, можно о фонарях, можно о детских куклах – все равно отливаются. Они требуют уважения и трепета, и замечу, настоятельно требуют.

Кураторы выставок бывают разные, но в принципе в их обычаях заложена терпимость к чужому мнению и ироническое восприятие критики. По сравнению с этим, культура племена директоров музеев принципиально иная. Это люди дикие и жестокие, рядом с кураторами они выглядят как воинственные горцы против робких жителей равнин. Они начали писать в Weekend гневные письма с требованием принять меры против моих статей. Происходило это часто, и, что интересно, часто в случаях, когда мой рассказ о музее был с моей точки зрения глубоко позитивным. Обвиняли меня всегда в продажности, что тоже интересно, поскольку понять, кому могло бы быть выгодно меня подкупить, чтобы отозваться в не вполне восторженных выражениях об экспозиции музея Красного Креста и полумесяца, я не мог даже теоретически. Впрочем, пытливый ум всегда найдет выход – скажем, директор дома-музея Курчатова доказывала, что меня коррумпировали гнусные поклонники дома-музея Королева.

Это было ничего. В редакции тогда была принята позиция, что чем больше на тебя жалуются, тем лучше ты работаешь (косвенно это тоже рассматривалось в перспективе коррупции – раз на тебя жалуются, значит герои тебе не платят). Вообще борьба с коррупцией стала тогда лейтмотивом отношения к журналистам, высказывающим не одобренное начальством мнение – как только незнакомый тебе человек узнает, что ты журналист, он сразу начинает бороться с твоей продажностью. Работая архитектурным критиком, я к этому очень привык – Юрий Лужков и его любимые архитекторы годами боролись с коррупцией в моем лице. За всю свою маленькую эпопею рецензирования московских музеев, я получил одно «спасибо» – мне позвонила директор музея валенок, и это было очень трогательно. Больше как-то не вышло, но, повторю, это было ничего – работа журналиста приучает к неблагодарности.

Хуже было то, что постепенно слухи о моей деятельности распространились в племени директоров. Они категорически отказывались меня пускать без того, чтобы иметь право визировать мой текст до публикации. Это было невозможно, это противоречило профессиональной этике, но дело не только в этом. Этика нарушается сплошь и рядом – а в том, что вкус к тексту никак не относится к числу компетенций, которые нужны человеку, чтобы стать директором малого музея Москвы. Они всячески исправляли мой текст в сторону сближения с тем пресс-релизом об экспозиции, который был составлен еще в советское время в виде справки в вышестоящую организацию, и с тех пор ждал часа публикации. Там всегда начиналось с площадей и количества единиц хранения. Впрочем, и тут бывали неожиданные варианты, например, директор музея мозга предложил мне написать статью в соавторстве с ним, причем был готов целиком составить текст сам, а я должен был только подписаться. Он был так искренне поражен моим отказом, как если бы я ему признался, что у меня все же есть хвост. Так что если этот текст попадет на глаза какому-либо директору музея, я прошу не обижаться. Я понимаю, что вы считаете журналистов еще более диким племенем, возможно, еще практикующим каннибализм, матриархат, и вообще отождествляющим себя со своим тотемным животным. Возможно, поэтому про малые музеи Москвы так мало публикаций.

Поскольку публикация в Weekend требует съемки, а съемка требует официального разрешения, прийти в музей инкогнито я не мог. Примерно три десятка малых московских музеев остались не описанными в этих записках, чего мне жаль. С другой стороны, я рад за тех директоров, которым не пришлось прочесть про свой музей не согласованные с ними слова в прессе. Вы защитили свой музей от наглых посягательств продажных писак – ура вам, товарищи!

Важно еще вот что. Главным чувством, которое вело меня тогда, было не только интерес и даже восхищение вещами, событиями и судьбами людей, которые за этим стоят, но и некоторый ужас по поводу того, что прямо сейчас это все исчезнет. Герои мои выглядели страшно незащищенными, прямо эфемерными в своих подвальчиках, особнячках, комнатах и т. д. Надо сказать, что с экономической точки зрения малые музеи Москвы выглядят в 80% случаев явлением глубоко абсурдным. И директора, и сотрудники получают непристойную, нищенскую зарплату. Работают люди пожилые, не мыслящие своей жизни без коллекции, с которой провели по 30—40 лет, и без какой-либо понятной замены. С другой стороны, содержание самого малого музея с учетом цены за помещение, тепло, электричество и воду, трат на уборку и поддержание экспозиции, охрану и все же зарплату сотрудников, минимально обходился в 2–3 млн. рублей в год, не считая первоначальных вложений на приобретение коллекции и дизайн. Это смешные деньги для музея, но с другой стороны цифра, которую мне почти всегда отказывались сообщить директора – это сколько же к ним ходит людей. По косвенным признакам оказывалось, что это 1—2 человека в неделю, порядка 100 человек в год. Вдумайтесь – для того, чтобы вы могли посмотреть, скажем, коллекцию чуел на Водном стадионе, кто-то тратит в год примерно 20 тысяч рублей. Это один из самых дорогостоящих видов роскоши, которые существуют в нашей стране. Когда я думал об этом, средний билет в Большой театр стоил порядка \$200, годовой бюджет театра был около \$120 млн., театр принимал примерно полмиллиона зрителей в год, то есть дотация на одного зрителя составляла \$40 (и она покрывалась за счет спонсорских средств). Где-то в 10—20 раз меньше, чем в малом музее. Еще раз – ваше право посмотреть эти трогательные, замшелые, часто неумело сделанные экспозиции музеев с неприлично нищими сотрудниками стоило на порядок дороже, чем ваше право побывать в Большом театре. Ясно, что этот экономический абсурд не может продолжаться вечно, и в этом смысле судьба малых музеев висит на волоске – они будут исчезать, и исчезать массово.

Не то, чтобы исчезновение моих героев меня волновало только в том смысле, что надо бы их хотя бы успеть описать. Примерно посередине моей эпопеи я сообразил, что абсолютное

большинство увиденного мною – это артефакты, сюжеты и судьбы, оставшиеся в наследство от СССР. В России нет музея СССР, что несколько странно, так получилось, что едва ли не единственное, что интересно миру в России – это то, что здесь был СССР, многие приезжают именно чтобы увидеть, как это было, и в некотором недоумении осматривают Кремль и Красную площадь, узнавая много интересного о времени Василия II, Ивана IV, Бориса Годунова и ранних Романовых. В какой-то момент я придумал, что надо бы все эти музеи свести в одно место, создав нечто вроде музейного квартала в Вене, когда каждый музей сохраняет свою независимость, но для посетителя они – часть одной экспозиции. Сначала я думал, что было бы прекрасно расположить этот музей СССР в атомном бункере на Таганке, потому что ничего величественнее, чем атомное оружие, СССР все же не создал, а в бункере пустошато. Мы даже начали обсуждать этот замысел с министром культуры Александром Авдеевым, но тут его сняли, а с министром Мединским разговаривать о чем-либо как-то странно. Потом я пытался увлечь той же идеей министра культуры Москвы Сергея Капкова, и даже и увлек, он думал сначала об объединении всех этих музеев в Провиантских складах в рамках музея Москвы, потом занялся ВДНХ, где эта затея была бы еще более уместна. Там даже начались какие-то более предметные переговоры, но тут сняли Капкова, а разговаривать с министром Кибовским хотя иначе, чем с Мединским, но тоже как-то странно. В общем, идея умерла. До известной степени сегодня стране не нужен отдельный музей СССР, поскольку Россия в целом становится таким музеем. Может быть, к теме можно вернуться, когда это пройдет.

Умерла и идея путеводителя. Музеи исчезали те шесть лет, которые прошли со времени написания этих очерков. Сами музеи, места, экспозиции описаны на состояние 2010 года, как и имена директоров. «Они, конечно, пишут мне, но постарели почтальоны, и все давно переменились адреса». Путеводитель требовал бы выверки всей этой информации, и в этом смысле то, что вы читаете – это записки об исчезнувших музеях, если угодно, диванный путеводитель. Но с другой стороны в какой-то момент меня, скажем, просто пронзила мысль, что ровно в тот момент, когда я посещал музей Бутырской тюрьмы, где-то в двух шагах от меня в муках умирал в камере Сергей Магницкий, и полковник Полькин, заместитель начальника тюрьмы, который водил меня в музей, был-таки снят после этого убийства. Вот он меня поводил по музею, потом к нему зашел узнать, нет ли каких жалоб. Мои тексты задумывались как живая рецензия, а для этого жанра важно «удерживать» время, когда они сказаны. Это не то, что слова президента, которые предназначены для «отлива в граните». Кстати, никто, случаем, не помнит, что именно он тогда отлил-то? Что сказал?

Пользуюсь случаем поблагодарить Елену Нусинову, главного редактора Weekend'a и засвидетельствовать ей свою любовь – она этот проект приняла, усыновила, вырастила и довела до того состояния, в котором он сейчас предьявлен вам. Музея СССР не получилось, путеводителя по нему тоже, вышли «Записки о музее СССР». Но работать над ними мне было интересно. Надеюсь, этот интерес мне удастся передать и вам.

Григорий Ревзин

Москва гуманистическая

Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей

Где это: м. Октябрьская, Шаболовская, ул. Донская, д. 9, стр.1, +7 (499) 237—53—49

Что это: музей истории меценатства и благотворительности

Что можно: увидеть фотографии, портреты, документы и личные вещи российских банкиров, купцов и промышленников – Армандов, Бахрушиных, Гучковых, Зиминых, Каверина, Мамонтовых, Морозовых, Прохоровых, Рукавишниковых, Рябушинских, Сафонова, Сытиных, Третьяковых, Шелапутиных, Шехтеля и многих других

По дизайну этот музей больше всего напоминает общую квартиру, куда сселили потомков всех этих купеческих фамилий, и они уж там живут среди старых фотографий, мебели и поутру выстраиваются в очередь в сортир в коридоре, маясь у крашенной в салатный цвет стены со следами мушиного засида.

Общая квартира

Я шел в Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей, но выяснилось, что музея такого нет, хотя он есть в справочниках, путеводителях, и телефон есть, по которому отвечают. В 2005 году музей предпринимателей преобразовали в Музей акционерного дела и финансовой истории. Как и в ряде других случаев, акционирование здесь несло на себе печать подвоха. Музей предпринимателей остался и как юридическое лицо, и как экспозиция, но на нем вывеска: «Музей акционерного дела».

Видимо, когда предпринимателей поменяли на акционеров, исходили из опасения, что отдельный предприниматель как объект музейной экспозиции выглядит кричаще, другое дело – сотни акционеров. Я тоже боялся, что экспозиция, показывающая предпринимателей, будет какой-то кричащей. Она такой и оказалась, только кричащей не о том.

Я не видел в Москве музея такой степени обшарпанности. Думаю, с 1992 года, когда его создали из музея Ленинского райкома Москвы, тут никогда не делали ремонта. Старые грязные стены с выгоревшей масляной краской, со следами выдернутых гвоздей, от того, что на них когда-то висело, и вплавленными в краску проводами старой внешней проводки; окна и двери с бесконечными слоями той же масляной краски; треснувшие подоконники; грязные старые стекла; ряды стульев, разных по дизайну, но одинаково просиженных; старые изящные, но пыльные и обшарпанные витрины; грязные, кое-где оторванные хрущевские батареи; карнизы без штор. Среди этого – фотографии и портреты Алексеевых, Морозовых, Рябушинских, Прохоровых, Рукавишниковых, Третьяковых, Сытина, Мамонтова, Ушакова.

Я знаю, что правильнее всего говорить собственно об этих людях, их делах и биографиях и музей только повод их вспомнить. Но меня слишком поразил сам музей. Макет Дмитриевского собора Владимира, отчего-то поставленный на продавленный стул рядом с огнетушителем. Старый разваливающийся ткацкий станок среди разномастных стульев актового зала. Узкая светелка жены, что ли, русского предпринимателя с ножной машинкой «Зингер». Шляпа на вешалке над дверью. И даже не все это в отдельности – а целиком.

Музей этот не государственный, а частный, и это полбеды.

В принципе находятся благотворители, которые дают музею денег. Еще полбеды заключается в том, что музей, как некоммерческую организацию, все время норовят выселить

из дома №9 по Донской улице, заключая с ним договор аренды так, чтобы его надо было часто перезаключать. Чиновники ждут, пока предприниматели уж как-то отремонтируют свой музей, чтобы его отобрать чистым, а предприниматели не хотят его ремонтировать из боязни, что отберут. Так и живут – душа в душу. По дизайну этот музей больше всего напоминает общую квартиру, куда сселили потомков всех этих купеческих фамилий, и они уж там живут среди старых фотографий, мебели и поутру выстраиваются в очередь в сортир в коридоре, маясь у крашенной в салатный цвет стены со следами мушиного засида.

Это случайные обстоятельства, но чем больше ходишь по музею, тем больше находишь в них символического. Там в экспозиции есть Университет Шанявского. Он был основан на средства Альфонса Леоновича Шанявского его женой Лидией Алексеевной. Сам Альфонс Шанявский был генералом, но составил свое состояние, будучи директором золотодобывающей компании, семья его жены тоже владела золотыми приисками. На этот университет всю жертвовали средства русские предприниматели, многие кафедры носили их имена. Потом после революции университет закрыли, там была партшкола, имена основателей и жертвователей никто никогда не произносил. Потом в этом здании разместился РГГУ Юрия Афанасьева, а его главными спонсорами стали Ходорковский и Невзлин. Теперь их имена там тоже не упоминаются, да и в экспозиции музея об этом ни слова.

Это забавно, когда музея предпринимательства как бы нет, а есть музей акционерного дела, но его тоже нет, а есть музей предпринимательства под вывеской акционерного.

Это забавный музей, он прекрасно рассказывает о специфике истории русского предпринимательства.

Эти люди построили школы, училища, больницы, частные музеи, оперы, консерватории, храмы. Они построили улицы, площади, рынки – города. Это все можно увидеть в музее в виде пыльных черно-белых фотографий, изображающих обветшавшие строения с выбитыми стеклами. А построивших как бы нет. И дело тут не совсем в революции. Дело вообще в какой-то неясности их положения.

Государство и до революции как-то странно относилось к частному предпринимательству. Оно вроде и было нужно для экономики страны, но как-то не вписывалось. Предпринимателей всеми силами давили налогами, и стоило кому-нибудь придумать какое-нибудь выгодное дело, как государство сразу же стремилось объявить это государственной монополией и частный бизнес оттуда выдвинуть. И последовательно выдавливало – из торговли зерном, добычи нефти, производства металла, железных дорог, текстильного производства. Чтобы этому противостоять, русское предпринимательство начала века знало три стратегии. Во-первых, присутствие в деле иностранного капитала. Этого можно было достичь или через иностранного инвестора, или через вложение своих собственных средств под видом иностранного инвестора. Во-вторых, через приобщение к чиновничеству. Дети всех купеческих фамилий шли по чиновничьей линии, чтобы потом уж владеть своим бизнесом под прикрытием титула генерала или статского советника. Ну и, наконец, благотворительность – самое, надо сказать, неудачное прикрытие. За благотворительность, с одной стороны, давали ордена, что как-то способствовало, с другой – смотрели на это дело косо, потому что граждане получали что-то хорошее не от государства, а со стороны. Фигура урядника на частной железной дороге как-то не смотрится. Государство ревновало.

В принципе, формула договора, который царское правительство как бы заключило с предпринимателями, заключалась в следующем: бизнес в обмен на лояльность. Оно давало им заниматься бизнесом при условии, что монополия на политическую деятельность оставалась в руках имперской администрации. При этом договор конкретные чиновники соблюсти не могли из-за врожденного хватательного рефлекса и бизнес все время пощипывали, а защищаться от этого можно было общественным признанием. В музее предпринимательства особую

любовь русского капитала к благотворительности объясняют религиозными соображениями, и это, вероятно, правильно, но вообще-то так получалось, что предпринимателям было некуда податься со своей общественной активностью, кроме как в культуру или в богоугодные дела.

Я ходил по этому музею и думал: интересно, как у нас в государстве передаются знания о том, как чего надо делать.

Ну вот вряд ли от царского режима к советскому, а потом к современному как-то удалось передать руководство под названием «Как нагибать бизнес».

Точно так же вряд ли и бизнесмены 1900-х годов могли как-то передать современным руководство «Как не нагибаться» с тремя главами: «Иностранный инвестор», «Превращение в чиновника» и «Благотворительность». Это самовоспроизводство неписаных правил, которое часто встречается в обществах аграрных, у охотников и скотоводов, но никак не в условиях динамично развивающихся общественных систем. А у нас – пожалуйста, работает. Государство само повторяет то, что делало и сто, и двести, и триста лет назад, и предприниматели тоже старательно осваивают формулу «бизнес в обмен на лояльность».

Этому музею цены нет. Даже не для предпринимателей, хотя им тоже полезно туда зайти, чтобы узнать, что с ними будет. Но больше для обычных граждан – для искоренения зависти. Предприниматели, дамы и господа, это в России совсем не такие люди, которые себе много заработали. Это невероятно талантливые люди, которые вам выстроили промышленность, транспорт, медицину, образование, музеи, консерватории и т. д. Им этого не прощали, они пытались защищаться, делая вид, что они иностранцы или чиновники, но у них не получилось. Их все равно поймали, разорили и всех сселили в грязную общую квартиру. И теперь они там живут. Чиновники ждут, пока они ее отремонтируют, чтобы их выселить, а они не ремонтируют – не хотят выселяться.

У Окуджавы, помните: «Оттого-то, знать, не весел дом, в котором мы живем, надо б лампочку повесить, денег все не соберем».

Музей Российского Красного Креста

Где это: м. Академическая, Черемушкинский пр., д. 5, +7 (499) 126—84—01

Что это: музей истории Российского Красного Креста с момента создания (1867 год) и до наших дней

Что можно: узнать о деятельности организации во время Крымской, Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войны, а также о ее работе в советский период в Лаосе, Вьетнаме, Армении и в наше время – в Чечне и Беслане

Красный Крест – институция, которая может эффективно работать, только если власть и общество признают ее полезность. Как только я это сообразил, я понял, зачем нужен этот музей.

Музей отмазки от родины

Так получилось, что музей Красного Креста и Красного Полумесяца я стал рассматривать с конца. Его директор, Татьяна Борисовна Кленицкая, была чем-то занята, запустила меня внутрь бывшего актового зала типовой школы в Черемушкинском проезде, где располагается московский Красный Крест, заперла дверь и убежала по благотворительным делам, а я пошел против движения экспозиции. В результате вначале у меня создалось ощущение, что это музей подарков.

Там большая витрина, заставленная мелкими штучками. Золотое блюдо, дар Пакистана, серебряная джонка, дар Вьетнама, чайный и кофейный сервизы, дар Болгарии, золотая тарелка, дар Кувейта, чайник, украинский дар, и такого под сотню – все чистое, свежее, пестренькое, с красными крестиками, как бы сказать, радостное. Разве что колокольчика, дара Валдая, нет. Эту витрину фланкируют два стенда со значками и медальками, выпущенными в связи с разными годовщинами общества Красного Креста и Красного Полумесяца, совместными конференциями и памяtnыми датами.

У кого была в детстве коллекция значков, знают, как мелко и празднично они выглядят, когда их прикалываешь рядами на шелковую кремовую подушечку, как весело сияют и светятся, каждый день создавая веселое новогоднее настроение.

Дальше, за значками, идут две экспозиции, одна посвящена лагерям беженцев из Чечни, а вторая – Беслану.

Там фотографии, и как-то так получилось, что предметом экспонирования в основном служат дети. Что сказать? Весело и счастливо живут дети в палаточных городках беженцев.

Там расчудесный детский сад, снаружи как бы барак, обшитый сайдингом, а внутри добрые воспитатели, везде игрушки, дети кушают, застенчиво улыбаются, учатся читать веселые книжки с картинками, поют хором. Не хуже дела и у детей Беслана. У них там танцы, компьютеры, викторины, они делают разные поделки и гордятся полученными за них грамотами.

Когда я рассматривал прекрасную фотографию детей Беслана, танцующих в физкультурном зале, маленьких несколько истощенных девочек в черных балетных костюмах с черными лицами, я, честно сказать, был уже в состоянии, близком к шоку. Как-то слишком отложилось в памяти, что такое физкультурный зал с детьми в Беслане. По счастью, в этот момент вернулась Татьяна Борисовна (как выяснилось, автор этих фотографий) и направила меня на правильный путь.

Экспозиция на самом деле начинается с Крымской войны, с 1854 года, когда великая княгиня Елена Павловна организовала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия для раненых воинов. На Елену Павловну мы назираем в связи с некоторым российским приорите-

том перед швейцарцем Анри Дюнаном, основателем общества Красного Креста, который придумал это только в 1859 году, столкнувшись с девятью тысячами брошенных раненых в битве при Сольферино. Как бы получается паритет – Международный комитет Красного Креста, следуя логике нашей экспозиции, образуется из слияния дюнановской организации с российской. Потом следуют рассказы о Первой мировой, гражданской, отечественной, отдельные стенды посвящены деятельности советского Красного Креста в Лаосе, Вьетнаме, наконец, землетрясение в Спитаке, и дальше уже наше время. Все это Татьяна Борисовна обрисовала емко, но кратко, у нее была масса благотворительных дел. Впрочем, она не забыла акцентировать разные экономические неприятности, которые вынуждена переживать ее организация – все имущество Красного Креста в 1939 году отобрали и отдали Минздраву, Минздрав незаконно использует символ Красного Креста, министерство по чрезвычайным ситуациям тоже выделилось из Красного Креста, теперь российский Красный Крест живет почти исключительно на зарубежные гранты, русские бизнесмены ничего не дают.

Не знаю, может быть, все дело в том, что я зашел не с того конца, но историческая экспозиция на меня тоже произвела странное впечатление. Она была очень похожа на то, что я видел в части современной – такие же стенды, фотографии, медали, значки, но какие-то менее яркие. Фотографии черно-белые, значки не блестят, сестры милосердия, раненые и голодающие тоже улыбаются, но как-то неуверенно, а иные и вымученно, никто не танцует, мало детей, ни тебе тарелок, ни чайников.

Только товарищ Сталин на грамотах донору и наградных листах
медсестрам – героям Советского Союза улыбается как надо, а остальные
не тянут.

В целом экспозиция производит впечатление несколько макабрического прогресса – сначала-то они не очень умели все вот это делать, а постепенно у них стало получаться гораздо лучше – больше детей, грамот, юбилеев и улыбок.

Бывает такое состояние эмоционального ступора, когда не знаешь, как вообще реагировать. С одной стороны, я не знаю более чистой и благородной организации, чем Красный Крест. Я, кстати не понимаю, почему наши первые леди, в отличие от великих княгинь и императриц, перестали Красный Крест поддерживать – вот уж точно нет места достойнее и несомненное и в человеческом, и в пиаровском смысле. И вообще от того, что весь российский Красный Крест финансируется на западные гранты, трудно испытать иное чувство, кроме острого стыда.

С другой стороны, я давно уже не видел такой экспозиции. Раньше-то на каждом шагу, в каждом райкоме, в каждом красном уголке обязательно были витрины, оформленные в этом стиле. Он назывался «дорогой Леонид Ильич» – тарелки, статуэтки, вымпелы, медальки-грамоты, фотографии радостных детей и танцующих народов СССР. А теперь это нигде не сохранилось, за исключением вот столь неожиданного места, как российский музей Красного Креста. И даже сама Татьяна Борисовна, хотя ее занятия куда как далеки от всего этого, выглядит совершенно как инструктор райкома по культуре или по делам молодежи образца 1975-х года. Добрая, официальная, заводная, ответственная хохотушка с цепким взглядом, просто родная сестра Валентины Матвиенко.

Я, наверное, потому еще был так потрясен, что был в музее Красного Креста в Женеве. Это очень страшный музей. Центральная часть экспозиции там – это открытый каталог жертв, такие каталожные ящики в железных контейнерах, и в них личные дела перемещенных лиц, беженцев, пропавших без вести – километры этих дел. А вокруг – экраны с кинохрониками, шествующие куда-то военные, бегущие штатские, потерянные дети, лежащие раненые и голодающие. Там вообще никто не улыбается. Честно сказать, там выть хочется.

А у нас, кстати, тоже есть маленький раздел с анкетами потерянных в конфликтах, образцы из архива, который мы вывезли из Германии после 1945 года. Но их мало, и они мон-

тируются с благодарственными письмами нашедшихся благодаря советскому Красному Кресту. Была такая советская телепередача, «От всей души», ее вела Валентина Леонтьева, и там все потерянные счастливо находились прямо в зале. Как бы для нее заготовочка, и опять же все кончилось хорошо.

Там, в Женеве, у музея очень ясная задача. Красный Крест не только помогает жертвам гуманитарных катастроф, но и свидетельствует об этих катастрофах, чтобы они не повторялись. А здесь сначала даже непонятно, какая же у всего этого может быть задача. Я ходил по залам и размышлял об этом, и вдруг мне пришла в голову очень простая мысль. Красный Крест – это НКО. Некоммерческая гуманитарная организация, живущая сегодня преимущественно на западные гранты. А у нас к таким организациям специфическое отношение.

Когда товарищ Сталин в 1939 году разорил Красный Крест, пересажал активистов и вышел из Женевской конвенции, то он исходил из простой логики – на месте конфликтов не может быть нейтральных врачей и спасателей. Абстрактный гуманизм – буржуазный пережиток, а большевики – за конкретное зверство. И поэтому мы маскировали эшелоны с вооружением белыми флагами с красными крестами, а немцы наши эшелоны с ранеными, поскольку наш красный крест стал для них опознавательной мишенью. Мы и по сей день не очень признаем нейтральную гуманность, это у нас не принято, раздражает. Лечение раненых противника расцениваем как помощь врагу. Причем это точка зрения не только власти, это и электорат поддерживает. Вот тут казнили в Чечне Зарему Садулаеву и Алика Джабраилова, которые помогали чеченским же детям-инвалидам и сиротам. Реакция благородного джентльмена из интернета: «Ох, как сильно в жопе у правозащитников ща засвербит. Их же валить пачками начали. Я бы на их месте уже испугался! Не скрою – новость приятная. Кадырка в этом вопросе не стесняется, плюсики ему за это» (<http://allan999.livejournal.com/6305703.html>). Это наша родина.

Довольно трудно у нас быть гуманитарной организацией, а, к сожалению, Красный Крест – институция, которая может эффективно работать, только если власть и общество признают ее полезность.

Как только я это сообразил, я понял, зачем нужен этот музей. Это не совсем для людей, вернее, не для всех. Это музей отмазки от родины. Тем, кто вышел из силовой шинели, ничто так не мило, как стиль «дорогой Леонид Ильич», им вспоминается юность и родное безопасное. И они меняются.

Не думаю, что это кто-то специально придумывал, само выжило с 1970-х годов, но ведь работает! Президенты вместо того, чтобы делать, чего обычно делают с НКО, начинают умиляться. Да и как не умилиться? Дети улыбаются, пляшут, кто без ног – поют хором. Какая гуманитарная катастрофа? Видите, все хорошо, все поправили, все сытые, довольные. Над всей Испанией безоблачное небо, вся Ингушетия танцует и поет. Спасибо вам, господин президент, за содействие. Вот тут у нас для вас грамота от Международного комитета Красного Креста, глава МККК Якоб Келленбергер лично подписал, пожалуйста. А еще мы вам хотим вручить наш значок. На добрую память о Беслане.

Чтобы кто не обижался – это не цитата, а пересказывается вымышленный разговор с президентом, и президент тут не то, что можно подумать, а, скажем, Мурат Зязиков. В общем-то, игра в маразм – небольшая цена за жизнь тех, кого можно спасти. Так что замечательный музей. И его надо сохранить. Потом людям будет интересно посмотреть, как занимательно мы жили.

Музей Бутырской тюрьмы

Где это: м. Менделеевская, ул. Новослободская, д. 45, +7 (499) 978—75—46

Что это: музей в действующем СИЗО №2

Что можно: увидеть изделия заключенных – парусники, модель крейсера, карты, посмотреть на фотографии и прориси для татуировок, ножи, заточки, самодельные устройства для татуажа, а также дореволюционные кандалы, цепи, ошейники и многое другое

В эту тюрьму бросили Осипа Манделъштама. Лидию Гинзбург, Варлама Шаламова.

Функция неизменна

В Музей Бутырской тюрьмы проход как в тюрьму. В 1990-е годы пускали всех желающих, теперь – только по заявкам от юридических лиц. Сначала оформляют пропуск, надо ждать среди других граждан, чаще даже гражданок, чтобы войти в их безнадежные разговоры. «Семь лет. А адвокат говорит – два. А семь». Потом проходишь через три КПП, потом по плацу идешь во двор тюрьмы. Интересный плац – с противотаранными ежами, окутанными колючей спиралью Бруно. Ежи поставили по периметру для красоты. Двор тоже интересный. Тут виселица была, во дворе 1 августа 1946 года повесили генерала Власова. И еще 12 человек. А там уже проход в башню, где музей.

Башня называется Пугачевской, на том основании, что здесь сидел до казни Емельян Пугачев. На самом деле – не здесь.

Пугачева казнили в 1775 году, Екатерина II повелела строить Бутырский замок только в 1784-м. Пугачева не было, а вот в башне находится советское расстрельное помещение. Музей на четвертом этаже, а расстреливали на первом. Такое же помещение по габаритам, что и музей, только стены и пол – кафельные, мыть чтобы. Там сейчас склад тюремного магазина, с 1991 года уже тут не расстреливают. Но подполковник Александр Владимирович Полькин, который меня водил по музею, рассказывал, что старожилы еще помнят, как расстреливали. А чего ж, с 1991 года еще много старожил. Там у них ежегодно проходит праздник, День молодого сотрудника. Приходят ветераны, вспоминают, рассказывают. Делятся опытом.

Там вообще много праздников. Когда меня водили, всюду готовились к всероссийскому Дню работника СИЗО, это 1 ноября. Всем тюремщикам велено было приходить в кителе с орденами, у кого есть, а низ – обычный. Еще у них проходит «Кубок павших бойцов спецназа и спецподразделений». Даже не знаю, как это себе представить. И конкурс «Мисс УФСИН» там проходит. Номинации «Мисс Нежность», «Мисс Очарование», «Мисс Женственность». Там большой женский корпус в Бутырке. Сотрудницы соревнуются в стрельбе, знании внутреннего распорядка, танцах. Праздничное очень это место. Тут кино снимали, «17 мгновений весны» и «Следствие ведут знатоки» тоже.

Я туда ходил со съемочной группой канала «Культура», они снимали фильм про телесные наказания. «Расскажите, пожалуйста, про порку», – смущаясь, спрашивала Александра Полькина, симпатичная сотрудница канала. «Пороли во дворе, – рассказывал подполковник, глядя на нее добрыми понимающими глазами. – Привязывали к козлам и пороли». «А теперь нет?» – надеялась она. «Теперь нет», – усмехался скуп, по-мужски. Там над входом в музей есть надпись с цитатой из Петра I: «Тюрьма есть ремесло окаянное, а для скорбного дела потребны люди твердые, добрые и веселые». Такой и есть подполковник Полькин.

Хорошо, когда у женщины такой конкретный интерес к телесным наказаниям. А мне что спрашивать?

Музей тут решили сделать в 1971 году. З/к делали, экспозиция совсем советская. Поверху круглой комнаты – фриз со сценами из жизни заключенных, развесистый такой, там и жизнь в камере, и каторга. На одном панно подпись: «Раф Айпетримов». Никогда не слышал фамилии такого художника. Ниже стенды с фотографиями. Часть – про историю заведения, часть – для судмедэкспертов. Фотографии татуировок. Коллекции железных предметов, проглоченных заключенными, чтобы попасть в больничку. Чаше глотают ручки от ложек. Потом – витрины с подлинными предметами. Ножи, заточки, самодельные устройства для татуажа. Еще ниже, на полу – дореволюционные кандалы, цепи, ошейники. В современной части коллекция прорисей для татуировок. На отрывках простыни, шариковой ручкой, на некоторых дарственные – «Бродяге от Бедолаги». Разные изделия заключенных – парусники, модель крейсера, карты. Как бы получается, что до революции узники сидели в кандалах и наручниках, а потом больше упражнялись в искусстве. На окнах башни – витражи с Пугачевым. В центре – столб с портретом Феликса Дзержинского (сидел тут с 1910 по 1917 год), доска почета с начальниками Бутырки с 1950-х. Интересно, что долго они как-то не задерживаются. Начиная с 1991 года начальник Бутырки почему-то проживает на своем месте не больше трех лет.

В эту тюрьму бросили Осипа Манделъштама. Лидию Гинзбург, Варлама Шаламова. Вот сюда, в эти камеры. В сталинское время в Бутырке было до 20 тысяч человек, а Казаков строил из расчета на три тысячи. В камеру на 27 мест запихивали 170 человек. По одному квадратному метру на заключенного у них получалось. Не то что круче кандалов, но тоже не разгуляешься. И несколько тысяч человек тут расстреляли – вот тут, в цоколе. На Архиерейском соборе Русской православной церкви были причислены к лику святых и прославлены как новомученики и исповедники российские XX века 136 узников Бутырской тюрьмы. Но про все это в экспозиции совсем нет материала. Советское время там иллюстрируется только идеей улучшения характера заключенного под влиянием пребывания в тюрьме. «Инженер Н. И. Хрусталеv, бывший вредитель, стал главным инженером Беломорстроя. В 1933 году награжден орденом Трудового Красного Знамени». «Инженер К. М. Зубрик, бывший вредитель, стал талантливым инженером». Вот ведь «стал талантливым», а был простым вредителем. Полезное очень место.

И это ведь потрясающий памятник архитектуры. Матвей Казаков, 1784 год, ранняя неоготика.

И сохранность удивительная. Вот второй памятник казаковской неоготики – Петровский путевой дворец – совсем перестроили, а тут ничего не перестроили. Специалисты по охране памятников единодушно заявляют, что лучше всего для памятника – когда сохраняется функция. И здесь она как раз и осталась та же, была тюрьма и есть. И стандарт жизни практически не изменился, какие были у Казакова нормы, такие и остались. Ну, разве некоторое переуплотнение случается, но это уже не по нормам. То есть фактически вещь сделана в XVIII веке и с тех пор служит как новая. В знаменитом «Наказе депутатам, собираемым для установления законов Российской империи» Екатерина II среди прочего предлагала переменить правила тюремного содержания и, в частности – отменить тюремное заключение до суда по преступлениям, не связанным с прямым насилием над личностью (убийство и т.д.). Свое предложение она объясняла тем, что содержание в наших тюрьмах – это все равно что пытка, и, если на суде выяснится, что человек невиновен, получается, зря пытали. Предлагала, но не отменила, депутаты отсоветовали. И вот как выстроила тюрьму, так ее и используют, только парашу унитаза заменили, ввели центральное отопление и еще уплотнили количество заключенных в камере. И как раз это СИЗО, то есть изолятор досудебного содержания.

Тяжелая пассивность охватывает после посещения этого музея. Ну вот были цари, потом большевики, потом демократы, потом наоборот. При Николае сюда посадили Владимира Маяковского, а при Сталине – Осипа Мандельштама. Маяковского правда не расстреляли, он потом сам застрелился, а Мандельштама тоже если и расстреляли, то не здесь. «Из интересных постояльцев последнего времени упомяну Жанну Агузарову», – рассказывал подполковник Полькин. Вроде столько государств поменялось, а тюрьма что ж? Тюрьма всем нужна.

Так что очень важный музей. Буквально несколькими штрихами в ограниченном пространстве удастся создать настроение тюремного смирения. Это очень важно для музея – передать самую суть демонстрируемого явления. А суть тюрьмы что же, в татуировках что ли или в ложках проглоченных? Она в тупом отчаянии перед неизбывностью зла.

Музей «Дом на набережной»

Где это: м. Кропоткинская, Октябрьская, Полянка, ул. Серафимовича д. 2, +7 (495) 959—49—36

Что это: дом, где жила советская элита

Что можно: увидеть документы, фотографии, личные вещи, книги предметы интерьера бывших обитателей дома

Дом на набережной – это вовсе не про то, какие в доме жили герои СССР, а про то, какие мученики его же.

Прощение элиты

Юрий Трифонов был одним из главных кандидатов на Нобелевскую премию по литературе 1981 года – в этот год он умер и премию не получил. Музей «Дома на набережной» – свидетельство силы его литературного таланта. Иногда так бывает. Не замечательный скульптор Растрелли, а Пушкин создал «Медного всадника». Не замечательный архитектор Борис Иофан, а Трифонов создал Дом на набережной. Он его назвал – до него это был Дом Правительства. И из него он создал символ человеческого измерения советской эпохи.

Музей – результат трансформации реальности литературой. Он сначала создавался совсем не для этого. Там была такая очаровательная, в 1930-х годах, дама – Тамара Тер-Егизарян, сестра председателя Мособлисполкома, которая в 1980-х сделалась местной общественницей. Стены Дома на набережной сплошь покрыты мемориальными досками, и первоначально музей она задумала в том же ключе – как коллективный музей-квартиру видных деятелей советского государства. Ей под это дело выделили две комнаты уполномоченного НКВД при первом подъезде дома – мудрое решение, ведь иначе со временем музеев-квартир в этом доме было бы слишком много, а так есть одна небольшая коллективная.

А потом как-то так само стало получаться, что Дом на набережной – это вовсе не про то, какие в доме жили герои СССР, а про то, какие мученики его же. Музей сначала был при парткоме, потом народный, десять лет назад он стал муниципальным, а директором попросили стать Ольгу Романовну Трифонову, вдову писателя. То ли служение, то ли послушание.

На входе в этот музей теперь список репрессированных. Всего 800 человек. В доме 550 квартир, 2,5 тыс. жителей. Каждый третий репрессирован.

Дом сдали в 1931 году, и люди, встречаясь во дворах и на лестницах, на вечерах джаза в клубе имени Рыкова (нынешний Театр эстрады), в спецмагазине и спецпрачечной, – молодая элита нового государства – не очень понимали, что каждый третий из них погибнет в ближайшее время насильственной смертью, а половина выживших – это как раз палачи.

Страшная история. Но если бы не Трифонов, она была бы сравнительно отдельной. Это не про историю сталинских репрессий вообще, а про один специальный ее аспект, одно место. Это Дом Правительства. Тут жили старые большевики, партийные чиновники и верхушка силовых структур. Когда из элиты берут и расстреливают каждого третьего – это государственный переворот. Одни большевики отправили в лагеря других большевиков вместе с женами, иногда сестрами и братьями, родителями и детьми. Ну это их большевичья история. Пусть их, конечно, жалко, но тут не было случайных людей. Тут погибала элита, которая за десять лет до того уничтожала другую элиту и гуманизмом не отличалась. Пожали, что посеяли.

У Юрия Любимова в воспоминаниях есть рассказ о том, как печатали «Дом на набережной»: «По Москве пошел слух, что он (серый кардинал из Политбюро – Суслов) сказал: «Почему не печатают эту книгу? Эту книгу надо печатать. Мы все страдали. Мы все подвер-

гались нападкам Сталина, мы все прожили этот страшный период. Печатайте эту книгу». Суслов подумал, что это про него, и исторически это действительно история про него, про его страхи. Но честно сказать, если бы рассказ про Дом на набережной был только про то, как некто Суслов боялся, что его сейчас возьмут и расстреляют, а рядом брали и расстреливали других Суловых, а этот выжил, но всегда боялся, у меня бы она вызывала скорее какое-то удивление. Проблема в том, что Трифонов добавил к этой истории совсем другое и от этого не отмахнешься.

Главный герой «Дома на набережной», подонки Глебов, он ведь ни на кого не доносит. Он просто не защищает своего профессора Ганчука. И он чужой в этом доме, и этот Ганчук в 1920-х годах тоже, чувствуется, тот еще был литературовед, он все вспоминает: «А знаете, в чем ошибка? В том, что в двадцать седьмом году мы Дороднова пожалели. Надо было добить». И казалось бы, в чем вообще коллизия – да душили бы в 1940-х тех, кто кого-то не додал в 1920-х, сколько им угодно, ну мне-то что за дело? Но нет, не получается так. Приходит некто Трифонов и говорит: «Э, нет, парень, вот за то, что ты в стороне, что тебе нет дела до того, как кто-то кого-то душит, ты и будешь всю жизнь чувствовать себя подонком, это и есть твое главное деяние за всю жизнь». Трифонов простил этот дом, превратив из места государственного переворота в средоточие общенациональной трагедии, и сделал несочувствие тем, кого давят, отказ встать на их защиту смертным грехом. В смысле – от него нельзя очиститься, он всегда с тобой.

Музеи-квартиры всегда производят такое неприятное ощущение, что хозяин куда-то ушел, и ты тайно проник в его дом и рассматриваешь тут все без спроса.

Музей Дома на набережной производит такое впечатление, что хозяина забрали, а ты ходишь по дому репрессированного.

Там, конечно, интересно. Там потрясающая мебель ар-деко, которую Иофан спроектировал специально для дома и которой сначала были обставлены все квартиры (так что, когда семьи уничтоженных выселяли, им было нечего взять с собой, кроме одежды). Там замечательная американская радиолла, пара к той, которую Рузвельт подарил Сталину. Там чудная фотография Сталина 1920-х годов, еще молодого, еще только замышляющего 1937-й, год палача. Там неумелый, наивный портрет Сталина, нарисованный Лепешинским. Но это такой случай, когда все это провоцирует не интерес к тому, как жили в Доме Правительства, а чувство вины за то, как они умирали. Как их выдирали из этих квартир с казенной мебелью и отправляли кого в лагерь, кого на расстрел, кого, как другого героя повести Трифонова, сторожем на кладбище.

У того же Юрия Любимова в рассказе о постановке спектакля на Таганке есть такой эпизод: «Когда они говорили об образе Глебова, они считали, что правильно показывают отрицательный персонаж, но когда возникли некоторые трудности при сдаче спектакля, то вместе со мной был очень известный и умнейший наш театровед Аникст. И там они сказали: «Ну зачем вы это показываете? И зачем нужно смотреть на эту мерзость, на этого персонажа главного, этого Глебова? Ну это ну было когда-то, ну прошло?» Так он не выдержал и сказал: «Что?! Как вы смеете говорить, что не нужно! Вы хотите что? – память отнять у нас всех?» – и начал кричать: «Я, я Глебов! Я ходил в этот дом, будь он проклят. Я себя так вел, я, я!». Благодаря этому музею у меня появилась возможность на минуту почувствовать себя мудрейшим и благороднейшим Александром Абрамовичем Аникстом. Эту реплику я бы вполне мог не только за ним повторить, но и сам выдать.

У нас такая страна, что, я думаю, рано или поздно на месте, скажем, галереи «Дача» появится музей Рублевки. Вопрос в том, найдется ли новый Трифонов, чтобы увидеть в истории заурядного госпереворота общечеловеческую трагедию. Большие писатели появляются

реже, чем меняются элиты, и не каждой выпадает такая удача, чтобы ее поняли и простили. Этим – выпала.

Сахаровский центр

Где это: м. Курская, Чкаловская, Таганская, ул. Земляной вал, д. 57, стр. 6, +7 (495) 623—44—01 / 623—44—20

Что это: музей истории СССР, рассказанной через призму политических репрессий и сопротивления общества режиму

Что можно: увидеть приговоры, справки о реабилитации, справки об освобождении, письма, ватники, «Хронику текущих событий», фотокопии «Архипелага ГУЛАГ», радиоприемники, пластинки «Битлз» и многое другое

Строго говоря, не музей, скорее зал для урока за все хорошее, против всего плохого.

Скелет в шкафу

Музей и общественный центр имени Андрея Дмитриевича Сахарова «Мир, прогресс и права человека» даже называется так, что в этом названии есть обезоруживающая своей искренностью беспомощность. Настолько очевидно, что можно было как-то половчей название придумать, что ясно – тут от всякой ловкости и придуманности сознательно отказываются. Примерно такая же и экспозиция музея.

Коллекции в прямом смысле у него нет – есть архив, но его не показывают. Музей состоит из стендов на одной стене, двух рядов стеллажей и одной сдвижной конструкции. На стендах коллажи из официальной жизни СССР, они заключены в большие стекла и выглядят очень хорошим оформлением школьного кабинета истории на тему «Этапы большого пути» – Ленин на трибуне, парады, физкультурники, ДнепроГЭС, война, космос, олимпиада. Напротив, на стеллаже – экспозиция «Репрессии в СССР» – красный террор, Соловки, раскулачивание, Беломорканал, ежовщина, военные репрессии, борьба с комполитизмом, XX съезд. Между рядами стеллажей – частная история. Слева – жизнь в ГУЛАГе, фотографии из личных дел, приговоры, справки о реабилитации, справки об освобождении, письма, ватники, орудия труда, посуда. Справа – история сопротивления в СССР, подпольные организации, церковь, диссидентское движение, «Хроника текущих событий», фотокопии «Архипелага ГУЛАГ», диссидентская кухня, искусство андерграунда, приемники для вражьих голосов и пластинки «Битлз». На сдвижной конструкции – биография Сахарова в картинках. Если сдвинуть – получается зал для заседаний и кинопросмотра.

Строго говоря, не музей, скорее зал для урока за все хорошее, против всего плохого. Но у него тем не менее есть образ. И этот образ, скажем так, соотносится с названием.

Евгений Асс, гуру современной архитектуры в Москве, сделал этот музей в 1996 году. Для того чтобы оценить его проект, нужно помнить, что первый магазин ИКЕА открылся в Москве только в 2000 году, потому что если это забыть, то можно понять все неправильно. Вот все, что принесла в нашу жизнь ИКЕА, – честность, доброжелательность, протестантскую скромность, открытость, демократичность, стертость, как бы некоторую безымянность дизайнера и легкий привкус зарубежности, – все это Евгений Асс нашел еще за четыре года до того, как нам это привезли из Швеции. Даже стеллажи его выглядят, как остроумная комбинация из полок «Билли», «Ивар» и «Лайва», а в целом экспозиция, скромная и чистая, кажется вариацией на тему икейского зала «аккуратный дом», только в несколько более меланхолическом варианте.

И когда ходишь по этому залу, думаешь, что это невероятно странно. Все же все то, что связывается в голове с именем Андрея Сахарова, будь то термоядерная бомба или крах СССР, настолько грандиозно, что как-то это меньше всего ассоциируется с таким дизайном.

Ну что угодно ожидаешь в этом музее увидеть, но никак не образ ИКЕА, гениально предсказанный Евгением Ассом за четыре года до того, как он появился в Москве (хотя, справедливости ради, скажу, что в Венгрии уже этим торговали).

И все время задаешься вопросом: что же он имел в виду, как это могло получиться, какой смысл?

У ИКЕА главная идея в том, чтобы создать европейскую норму. Вот нормальная жизнь – честная, скромная, доброжелательная, удобная, без катаклизмов неумеренного артистического эффекта, богатства и нищеты. И человеческая, когда кабинет – он не официальное место, а и для жизни тоже. И все так естественно, демократично, открытые полки, скрывать нечего. Без задней мысли. А здесь шкафы, а в них одни скелеты. Чудовищная мука двух поколений. Фотографии взрослых – вроде три на четыре, а они кричат громче картин Йозефа Бойса. Фотографии детей, погибших в голодомор, – ну просто Освенцим. Но так аккуратно все это уложено, в папочках, в рамочках. В архиве наведен порядок, и даже место для пластинки «Битлз» нашлось, в порядке сопротивления тоталитаризму. Должно же быть что-то хорошее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.